

—
Как и говорил Фу Мин, войска вскоре возвращались в столицу.

Прибыв на фронт, Цзинь И быстро разобрался в ситуации. Он немедленно и решительно отдал военные приказы, разделив войска и распределив генералов, выстроив боевой порядок, и ситуация быстро изменилась.

Всего за месяц Цзинь И приобрёл в армии огромную славу, но не осмеливался терять бдительность, по-прежнему постоянно следя за вражеской обстановкой. При планировании он был проницателен, а когда лично вступал в бой с мечом, был храбр и бесстрашен. Враги один за другим сдавались, все его подчинённые повиновались ему. Цзинь И чувствовал глубокое удовлетворение. Столько лет он провёл в бездействии в столице, и вот, оказавшись на поле боя, он почувствовал, как исчезло то чувство скованности и невозможности приложить свои силы, сменившись упоением от реализации своих талантов.

Одно обстоятельство особенно радовало его — это то, что он принял Цзян Исуня под своё командование. В тот день Цзян Исунь предложил план, который спас армию от неминуемой беды. Цзинь И поначалу думал, что ему просто повезло с местностью. Но впоследствии Цзян Исунь проявил себя ещё лучше, будучи умным и искусным в военном деле, что принесло ему большую пользу. Однажды они вдвоём допоздна беседовали в палатке, и их взгляды на текущую структуру военного ведомства и приграничную оборону полностью совпали, так что разговор был очень продуктивным.

Таким образом, Цзян Исунь был включён Цзинь И в его личную армию и назначен на важную должность.

Весна началась с юга, с окончанием войны постепенно проросла весенняя трава, и в Таньчжоу растаяли лёд и снег.

Когда они шли, всё было покрыто серебром, а когда возвращались, кругом была зеленая трава по колено и ослепительные полевые цветы.

Не было той спешки и напряжения, что при выступлении в поход, но триумфальная армия двигалась не медленно, стремясь как можно скорее получить награды и вернуться домой.

Редкостная ровная местность позволила Цзинь И и Цзян Исуню соревноваться в верховой езде, значительно опережая основную армию. На закате они остановились, чтобы дождаться отставшей колонны и разбить лагерь.

Нежные ростки травы в лучах заката окрасились в золотой цвет, простираясь до самого горизонта. Двое привязали лошадей к дикому дереву и сели прямо на землю.

Цзян Исунь спросил: «Брат Чанцзе, ваша супруга... нет, вы женаты на мужчине. Я хотел спросить, ваш муж, как он там, дома?»

Теперь они называли друг друга братьями в приватной беседе, но Цзинь И всё равно удивился, почему тот вдруг спросил о Фу Мине.

Однако ответил: «Должно быть, всё в порядке».

«Должно быть?» — спросил Цзян Исунь. «Брат Чанцзе не переписывался с домом?»

Цзинь И покачал головой: «Война важнее, кроме того, среди личных солдат есть домашний слуга, он будет отвечать за переписку с домом. Если он не сообщил о каких-либо отклонениях, значит, всё в порядке».

Цзян Исунь, услышав это, подумал про себя: «Не знаю, проявляет ли брат Чанцзе такую самоотверженность из-за великого дела, или же его привязанность к дому ещё неглубока».

Цзинь И думал, что Цзян Исунь просто упомянул это вскользь, но, к его удивлению, тот, казалось, действительно заинтересовался этим вопросом и снова спросил: «Фу Гунцзы, после того как он вышел замуж в ваш особняк, ладит ли он с вашей семьёй?»

Встретившись с вопрошающим взглядом Цзинь И, Цзян Исунь улыбнулся: «Эх, откровенно говоря, брат Чанцзе, я и Фу Гунцзы — старые знакомые».

«Как ты с ним познакомился?» — удивился Цзинь И. Эти двое, разные по статусу, месту рождения, опыту, должны быть совершенно чужими людьми.

Цзян Исунь сказал: «Брат Чанцзе должен знать, что третий господин Фу был приёмным сыном семьи Фу, верно?»

Цзинь И кивнул: «Дедушка Фу Мина не имел сыновей, поэтому усыновил дальнего племянника».

Цзян Исунь засмеялся: «Как именно это произошло, я не могу сказать, но третий господин Фу когда-то жил в приюте для сирот в столице, и об этом, наверное, знают многие. Третий господин, будучи бедным, не терял достоинства, а став богатым, не забывал своих корней. После того как он попал в семью Фу, он часто возвращался в приют, и Фу Гунцзы в детстве отец тоже часто приводил туда. Вот там мы с ним и познакомились. В приюте было много девочек и мало мальчиков. Тогда я был дружил с одним ребёнком, а когда пришёл Фу Гунцзы, мы втроём играли вместе. Тогда мы не знали о статусах, Фу Гунцзы относился к нам как к друзьям, так что у нас завязалась дружба. Позже, когда я повзрослел, я попросил Фу Гунцзы придумать мне второе имя. Он сказал, что это не по правилам, но у меня не было никого из родных, а он был самым образованным человеком, которого я знал, поэтому он всё же помог мне».

Цзинь И засмеялся: «Вот откуда взялось имя Сянсянь. Значит, вы знакомы давно, неудивительно, что ты о нём спрашиваешь». Помолчав немного, он добавил: «В этот раз, когда вернёмся в столицу, ты придёшь ко мне в поместье, и вы сможете снова встретиться. Если и тот другой друг тоже в столице, пригласи его с собой».

Цзян Исунь махнул рукой: «Тот человек действительно в столице, но у него свой путь, боюсь, он не войдёт в поместье Цзинь».

Цзинь И не стал задавать вопросов, лишь сказал: «Тогда приходи один, он, увидев тебя, тоже, наверное, обрадуется».

Цзян Исунь весело рассмеялся: «Обязательно выберу день и нанесу визит!»

Большая армия двинулась с юга на север, с весенним ветром возвращаясь в столицу.

Третий принц, получив императорский указ, ожидал триумфальное войско за стенами столицы. В ясный солнечный день величественный вид армии переполнял его сердце. Не дожидаясь

поклона Цзинь И, он шагнул вперёд, взял его за руку, похлопал по плечу и сказал: «Генерал Цзинь, вы потрудились!» Затем поздравил, и его искренняя привязанность и уважение были очевидны. Окружающие, увидев это, запомнили.

Третий принц ценил боевые искусства и с Цзинь И они находили общий язык — это ещё раз подтвердили те, кто внимательно следил за ситуацией.

Войдя в двор, император снова похвалил их, а затем наградил за заслуги и устроил пир в честь их возвращения. Дворец был ярко освещён, отражая распустившиеся весенние цветы и нежные лица танцовщиц и музыкантов, что погружало всех в опьянение.

Наследный принц тут же продекламировал длинное стихотворение, восхваляя милость небес и военные заслуги, чем весьма обрадовал императора.

Цзинь И, имея дело с императором и принцами, а также с гражданскими и военными чиновниками, вернувшись из дворца в поместье Цзинь, чувствовал себя более уставшим, чем после окончания битвы.

Вся семья, от мала до велика, собралась в передней зале, ожидая его возвращения. Свечи освещали знакомые лица. Цзинь И вошёл, и, казалось, всю усталость как рукой сняло.

Старая госпожа, увидев его, взяла за руку и неустанно осматривала его со всех сторон, со слезами на глазах кивая: «Хорошо, хорошо, хорошо, видно, что ты прошёл закалку, стал настоящим мужчиной семьи Цзинь!» Затем смягчила голос и спросила: «Ты ранен? Устал? Голоден?»

Цзинь И в ответ сжал руку старой госпожи, на все ответил, а затем спросил: «Как ваше здоровье последние несколько месяцев?»

Наложница Ван, стоявшая рядом, ответила: «Старая госпожа все эти месяцы хорошо себя чувствовала. После Нового года она немного простудилась, мы пригласили господина Юй, придворного врача, для осмотра. Она приняла несколько доз лекарства, и теперь ей намного лучше». Затем она спросила: «Господин вернулись из дворца, вы хорошо поели на банкете? Я приказала приготовить домашний стол, всё, что вы любите, поешьте ещё немного. После ужина примите ванну и хорошенько отдохните этой ночью».

«Я не голоден», — ответил Цзинь И, затем посмотрел на старую госпожу: «Уже поздно, вы устали? Я помогу вам вернуться и лечь спать».

Старая госпожа кивнула. Чжаоянь, обхватив ноги отца, поднял голову и спросил: «Папа, когда ты проводишь старую госпожу в комнату, если не будешь уставшим, приходи к Янь-эру!»

Цзинь И погладил его по голове, его голос был на удивление нежным: «Янь-эр не устал?»

«Не устал, Янь-эр будет ждать папу!» — сказал он, вставая на цыпочки. Когда Цзинь И присел, он тихо прошептал ему несколько слов на ухо. Цзинь И кивнул: «Хорошо, папа сейчас придёт».

Цзинь И поддержал старую госпожу и сказал всем в комнате: «На сегодня расходитесь, обо всём остальном поговорим завтра».

Фу Мин, Жэньлань, Синьюэ и другие с улыбкой согласились. Наложница Ван, у которой ещё были слова, окликнула: «Господин!», Цзинь И кивнул и ответил: «Сегодня на суде император говорил о сборе пожертвований для Таньчжоу. Ты приложила к этому усилия».

По статусу наложница Ван не могла быть удостоена внимания принцессы, а тем более упоминания императором на суде. Но Цзинь И только что одержал военную победу, и принцесса имела возможность сказать несколько слов императору. Император на банкете использовал это как дополнительный повод для похвалы, вновь восхваляя мужчин семьи Цзинь за их лидерство в защите страны и женщин за их бережливость во благо народа. Все чиновники согласились. В любом случае, это было достоинством Цзинь И.

Наложница Ван, услышав это, очень обрадовалась, но виду не подала. Цзинь И, закончив говорить, больше не задерживался и ушёл со старой госпожой. Вся комната быстро опустела.

Ночь сгущалась, и слуги в комнатах и у ворот двора тихо переговаривались:

«Господин в этот раз водил войска в поход, совершил большой подвиг, и поместье Цзинь в будущем будет процветать...»

«Господин вернулся в поместье, не сказал ни слова Фу Гунцзы, но похвалил наложницу Ван...»

«Оказывается, наложница Ван тогда так поступила, потому что хорошо всё рассчитала...»

«Дела во внутреннем дворе, конечно, лучше понимают женщины, как могут мужчины понять, как завоёвывать расположение? Наложница Ван внимательна и заботлива, а Фу Гунцзы молчит, как дерево. В сравнении, превосходство очевидно...»

Цзинь И, которого обсуждали слуги, уложив старую госпожу спать, не пошёл к наложнице Ван, а, согласно шепоту Чжаояня, направился прямо в Фан Мань Тин.

Едва он приблизился к двору, как ночной ветерок донёс до него чистый аромат. Несколько лепестков перелетели через стену, словно приветствуя пришедшего хозяина. Ворота двора были полуоткрыты. Цзинь И вошёл, и несколько фонарей висели по очереди на ветвях деревьев вдоль извилистой дорожки. Эти фонари были не так яркие, как дворцовые сегодня ночью, но они были маленькими и тёплыми, освещая путь прямо к ступенькам.

Поднявшись по ступенькам, он вошёл в комнату. Там были Фу Мин, Жэньлань и Чжаоянь.

«Папа, на этот раз не чай, а вино», — Чжаоянь потянул Цзинь И сесть, а Фу Мин налил вино.

Цзинь И спросил: «Почему вместо чая вино?» Во дворце он выпил много, и хотя по дороге немного проветрился, всё ещё был слегка пьян.

Жэньлань засмеялась: «Только вино может отдать дань уважения герою».

Фу Мин поднял бокал, Жэньлань тоже подняла бокал, Чжаоянь же пил чай вместо вина, Цзинь И понимающе улыбнулся и тоже поднял бокал, вчетвером они выпили.

Фу Мин опустил чашку, подошёл к столу для цитры и сел, с улыбкой сказав: «Когда господин был на войне, я прочитал письма с юга. В них было несколько строк, описывающих доблесть господина на коне, как будто он был прямо передо мной. Я осмелился написать эту мелодию «Марш на коне», прошу господина оценить её».

Фу Мин играл на цитре, Жэньлань держала пипу, а в руках Чжаояня появился маленький барабан. Втроем они играли в унисон. Звуки цитры были подобны воющему ветру, печальному рёву рога, волнам криков; пипа напоминала стук копыт, звон мечей, а барабан поддерживал, вновь перенося Цзинь И на поле боя. Его грудь переполняли героические чувства, кровь

кипела.

Когда мелодия приближалась к концу, бой барабанов уже стих, пипа замолчала, только цитра продолжала играть, подобно послевоенному закату на горизонте, вечернему ветру над равниной, ласково обволакивая кровоточащее поле боя и утешая усталых солдат.

Затихающие звуки проникали в самое сердце.

Цзинь И аплодировал, трижды воскликнув «Хорошо». Когда инструменты были убраны, его супруг, сестра и сын снова подошли вместе, чтобы поднести ему чашу. На этот раз это был чай.

Жэньлань сказала: «Хорошее вино — героям, чистый чай — семье. Старший брат, мы все очень рады твоему безопасному возвращению».

Уголки губ Цзинь И приподнялись.

Чжаоянь спросил: «Папа, мой барабан хорошо звучал?»

Улыбка Цзинь И стала ещё шире: «Хорошо».

Фу Мин лишь кивнул ему, а Цзинь И сказал: «Другую мелодию я послушаю в другой раз».

Другая мелодия? Должно быть, это та «Ясная лунная ночь», которую он обещал сыграть Цзинь И, когда тот вернётся с победой? Фу Мин ответил: «Хорошо».

Выпив вина, послушав музыку, выпив чаю и поговорив, Цзинь И почувствовал себя удовлетворённым.

Посмотрев на водяные часы, он увидел, что уже глубокая ночь, и Жэньлань первой попрощалась.

Цзинь И задержался и сказал Фу Мину: «Цзян Исунь скоро навестит поместье, вы сможете снова встретиться».

Фу Мин, услышав это, обрадовался. Видя, что уже поздно, и зная, что не стоит задавать много вопросов, он лишь кивнул и улыбнулся в ответ, а также посоветовал Цзинь И пораньше лечь спать.

Цзинь И, взяв за руку Чжаояня, ушёл. У двери он остановился и сказал: «Те порошки я пил, и у меня не было никаких проблем с переменной климата».

Фу Мин спросил: «Вы ранены?»

Цзинь И ответил: «Всё в порядке». Услышав ответ сзади, он снова шагнул прочь.

По дороге Чжаоянь капризно сказал: «Папа, можно я сегодня с тобой посплю? Я так скучал по папе».

Цзинь И тоже очень скучал по сыну и согласился. Они легли в комнате Чжаояня. Чжаоянь крепко обнял руку Цзинь И, и, засыпая, пробормотал: «Папа, почему ты никогда не спишь во дворе Фан Мань Тин?»

Цзинь И не нашёл что ответить и долго лежал с открытыми глазами в темноте, пока наконец не поддался дремоте и не погрузился в глубокий сон.

Во сне снова зазвучал «Марш на коне», но мелодия постепенно стала мягче, словно превращаясь в «Лунную ночь». В журчании цитры игравший на ней поднял голову, и он посмотрел туда, их взгляды встретились... Это был сон, в который он никогда раньше не попадал.

—

<http://bllate.org/book/12585/1118420>